

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

А. А. Селин

МОСКОВСКИЕ КАРАНТИНЫ
Борьба с «морowymi
поветриями» в XVI–XVII вв.
в Новгороде и Пскове

Санкт-Петербург
2020

ББК 63.3(2)43

УДК 94(47).04

С29

- Селин А. А.**
С29 **Московские карантинны. Борьба с «морозными поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове.** – СПб.: «Евразия», 2020. – 160 с.

978-5-8071-0504-2

Книга о московских карантиннах XVI–XVII вв. написана профессором Департамента истории, главным научным сотрудником Центра исторических исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург А. А. Селиным. В книге исследуется то, как борьба с распространением заразы, прежде всего – чумы, происходила в Новгородской и Псковской земле в эпоху Московского царства, в XVI–XVII вв.

В оформлении обложки использованы работы художников А. В. Красникова, Е. А. Шерстнёва

© Селин А. А., 2020

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2020

© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2020

щение обряда погребения при массовой гибели зараженных — все эти меры были известны. Однако способы их реализации в XVI–XVII вв. были военно-полицейскими, организуемыми за счет широкого привлечения местных ресурсов, а целью мер, принимавшихся наместниками и воеводами, были сбережение войска и охрана государя.

В книге вкратце рассмотрена история борьбы с эпидемиями на Северо-Западе и сделан акцент на трех кампаниях борьбы с «мором»: в 1592–1593 гг., когда в Новгородской и Псковской землях в боевой готовности стояли войска, направленные против шведов в Ливонии; в 1629–1630 гг., когда новгородский воевода и герой Смутного времени старался не пропустить чуму из Европы через недавно проведенную русско-шведскую границу; и в 1662 г., когда карантинны были выставлены на всем пространстве от Пскова до Москвы, чтобы не впустить чуму, восемью годами ранее уже напугавшую царский двор, к особе государя.

Введение **«Мор» и борьба с ним в средневековой Руси**

Из всех свирепствовавших в Средневековье эпидемий самыми страшными и самыми яркими, оставившими свой след в летописях и хрониках, были чумные. По наблюдениям А. П. Бужиловой, чумные эпидемии известны на Русской равнине с XI века. Исследовательница основывалась прежде всего на летописных данных. Уже в «Повести временных лет» удар эпидемии по древнерусским городам оценивался прежде всего как нечто необычное (впрочем, обычай еще и не мог успеть завестись, так как собственной древнерусской традиции в то время не было), а также — как источник огромного, необычного и тягостного числа смертей.

С XII века летописцы, описывая «морские поветрия», делали акцент на огромном числе смертей. Одной из таких эпидемий был мор в Новгороде в 1187 г., по мнению некоторых ученых, возможно, привнесенный из Западной Европы (Дербек, 1895; Бужилова, 2005)¹. В XIII в. основной причиной массовой смертности летописи называют голод, связанный с неурожаями. В 1230 г., однако, летописи описывают четыре скудельницы, сооруженных в Смоленске с тысячами погребенных в каждой, после мора (согласно А. П. Бужиловой – инфекционного). Через семь лет, в 1237 г., летописи пишут о море в Пскове и Изборске.

Наиболее известной трагедией Средневековья, охватившей многие страны Евразии, была эпидемия чумы в середине – второй половине XIV века. В средневековой Руси она имела свои особенно-

---

¹ Логика автора тут довольно проста: Новгород, что общеизвестно, издревле связан с Европой, значит, и «мор» пришел сюда из Европы (в 1187 г.).

сти, как в хронологии, так и в географии. Следует обратить внимание на опубликованную 45 лет назад статью Л. Лангера, в которой не просто была рассмотрена история распространения «черной смерти» на Руси, но и впервые был изучен ее глобальный контекст (Langer, 1975). Лангер, как и значительно позже А. П. Бужилова, отметил первый эпизод с появлением этого «мора» на Руси – псковский мор 1352 г. Борьба с «морским поветрием» в значительной части ограничилась тогда обращением к церковным авторитетам – и символическая смерть прибывшего в Псков для спасения города от поветрия новгородско-псковского архиепископа Василия Калики на полпути между этими важнейшими центрами Северо-Запада, увы, не поставила точку в истории этой эпидемии. Скорее напротив: эпидемия распространилась и на Новгород тоже (по всей вероятности, это замечание Л. Лангера связано с источниками: текст Псковской летописи о «море» в Пскове так или иначе, по наблюдениям Н. С. Борисова,

был воспроизведен в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, однако там больше звучит покаянный мотив, чума описывается как воздаяние за грехи) (Борисов, 2014). Впрочем, прекращение следующей значимой вспышки эпидемии в Пскове было связано уже с визитом архиепископа Алексия в 1360 г., когда литургический обход города, согласно летописи, привел к прекращению трагедии. Но, по мнению А. П. Бужиловой, на Северо-Западе Руси очаг распространения эпидемии чумы непрерывно функционировал с 1387 по 1391 г. (Бужилова, 2005, 286–290).

Л. Лангер, следуя тексту Никоновской летописи, описал дальнейшее распространение эпидемии на восток уже в 1352/53 г., вымершие города Глухов (на Северщине) и Белоозеро; через год, в 1353 г., вымерли почти все члены московской великокняжеской семьи. Надо сказать, что касательно «мора» на Белоозере и в вымершем тогда городе есть убедительное мнение С. Д. Захарова, высказанное в монографии 2006 г.:

в летописной статье, описывающей «мор» «на Белоозере», скорее всего, говорилось не о городе, а о «всей области». О том, что «новый» город появился ранее начала эпидемии, говорят археологические данные (Захаров, 2006, 98–100). По мнению Л. Лангера, первая волна эпидемии достигла Руси через германские земли, а не из Крыма, как об этом принято было считать в историографии (хотя возможно, что в Киев и западнорусские земли она пришла из Крыма или из Литвы). Ученый обратил внимание на то, что в любом случае чума тогда шла на Русь по важнейшим торговым путям.

Принципиально иной была география следующей волны эпидемии, в 1364 г. чума «пришла с Низу», именно тогда (согласно Никоновской летописи – Борисов, 2014) вымерло и Белоозеро. Она достигла Нижнего Новгорода и распространилась по всем большим городам Руси. Умерших едва успевали хоронить. В 1374 г. чума повторилась и уже из Руси перекинулась на Орду. В 1389 г. эпидемия уже в третий

раз пришла в Псков. В это время летописи отмечают строительство заветных церквей – отчаянной попытки горожан спастись таким образом от «мора». Л. Лангер, перечисляя «моры» начала XV века в Смоленске (1401 г.), вновь в Пскове (1403 г., куда «мор пришел через Дерпт) и еще раз, в 1407 г., в Пскове, а в 1408 г. – в сельских волостях в округе Можайска, Звенигорода, Ржевы Володимеровой. Лангер считает, что тогда, если эпидемия была только в сельских волостях, могли быть впервые предприняты меры наподобие карантина (Langer, 1975, 58). Ученый подсчитал, что за 140 лет, с 1350 по 1490 г., каждые пять лет была эпидемия. При этом известные на Руси циклы эпидемии коррелируют с теми, что фиксируются по синхронным данным Западной Европы. Особенно ужасной была ситуация с эпидемиями на Северо-Западе: в Великом Новгороде с 1417 по 1428 г. «мор» наступал каждые два с половиной года, в Пскове – каждые два года. Лангер полагает, что примерно до 25 % населения Руси было в XIV–XV вв. по-

теряно. Другими результатами эпидемии было демографическое движение – привлечение сельского населения в города, каменное строительство². Последствиями эпидемии Лангер объясняет и рост «городского рабства» – появление многочисленных холопов-ремесленников в боярских дворах.

Другими последствиями преодоления «черной смерти» на Руси были, по Лангеру, серьезные изменения в географии трудовых ресурсов и их использовании. Последствием эпидемии Л. Лангер называет и трансформацию натурального хозяйства в «монетную экономику», появление монастырей «нового типа»³. Однако Лангер справедливо замечает: средневековым русским городам не удалось стать коммунами, как в Западной Европе.

---

² Надо сказать, что приводимые здесь Л. Лангером примеры преимущественно из более позднего времени, XVI в.

³ Здесь Л. Лангер ссылается на книжку И. У. Будовница (Будовниц, 1966), весьма низкого качества.

Это не может объясняться только «черной смертью». При этом, несмотря на потери городского населения, городская жизнь в средневековой Руси не прекращалась.

Один из самых ярких обзоров истории борьбы с эпидемиями, прежде всего с «черной смертью», в средневековой Руси был сделан А. В. Лаврентьевым (Лаврентьев, 2016)⁴. Он особенно отмечает, что не существует данных для того, чтобы говорить о масштабах людских потерь в сравнении с Западной Европой. Но на Руси, как пишет Лаврентьев, поразительным образом чума не стала таким «регулятором жизни», как это произошло в Европе. Одну из своих задач А. В. Лаврентьев видит в определении рефлексии современников об эпидемии на территории Древней Руси. Упомянутый рассказ Псковской летописи под 1353 г. о «море» в Пскове,

---

⁴ Автор отмечает, что в своем исследовании он часто обращается к сумме данных из диссертации Ф. А. Дербека (Дербек, 1895).

согласно А. В. Лаврентьеву, – отдельное литературное сочинение, ждущее еще своего особого исследования; позднее оно перекочевало в новгородское летописание. Почти все эпизоды сочинения имеют аналоги в описании чумы во Флоренции (Н. С. Борисов находит в тексте о море в Пскове заимствования из Прокопия Кесарийского – Борисов, 2014). Важно следующее замечание А. В. Лаврентьева: «И в западноевропейских, и в русском текстах речь идет не только о гигантских жертвах эпидемии, но и о проблемах с отпеванием и погребением скончавшихся от чумы, о взлете религиозности и массовом уходе в монастыри, столь же массовых раздачах горожанами движимого и недвижимого имущества, попытках индивидуального спасения “в миру в домех своих” как в Пскове, так и во Флоренции, боязни контактов с больными и проблемах ухода за ними, слухах о всеобщей скорой кончине, и пр». Следующий удар эпидемии, нанесенный по более восточным областям Руси – Москве, Ростову, Твери в 1360–

1370-е гг., когда практически пресеклись потомки Калиты, остались только два его малолетних внука, будущие герои Куликова поля, не нашел никакой реакции в новгородском летописании.

Массовые захоронения – один из важнейших следов эпидемии; их изучению применительно к новгородской истории посвящена большая и обстоятельная статья А. Н. Сорокина (Сорокин, 2015). Такие чрезвычайные захоронения, обозначавшиеся древнерусским словом «скудельница», известны по летописным данным в Новгороде с XIII века. Причиной массовых погребений, которые отмечали летописи, были две: пандемии и голодный «мор». В последний раз о скудельницах в Новгороде известно уже в начале XVII в., когда такие массовые захоронения возникают во время голода 1601–1602 гг.⁵.

⁵ Здесь ученый ссылается на сообщение известного нидерландского купца о массовых погребениях в Москве во время голода 1601–1602 гг.: «В самой Москве было не лучше; провозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы

Исследователи предпринимают попытки идентифицировать упомянутые летописями скудельницы и археологически выявленные новгородские кладбища: единовременные погребения большого числа людей, вызванные, вероятно, пандемией или голодом. Важным топом нарратива о «голоде» – «массовых захоронениях» является ночное рытье таких могил. В Великом Новгороде такие захоронения происходили, по А. Н. Сорокину, в основном за пределами городской застройки. Пока смертность не превышала обычный уровень, горожане придерживались традиционной погребальной обрядности. Но когда происходили эпидемия или голод – санитарные зада-

его не отняли силой; и были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор, подобно тому, как здесь в деревнях опрокидывают в навозные ямы телеги с соломой и навозом, и, когда эти ямы наполнялись, их покрывали землей и рыли новые» (Масса, 1937, 59).

чи брали верх и над обрядностью, и над традицией.

Само слово «скудельница» на северо-западе Руси особенно распространено в Псковской земле. В самом Пскове в урочище Скудельня, на Завеличье, есть церковь Жен-Мироносиц, построенная в 1546 г. (Спегальский, 1978, 56–57), причем А. Е. Мусин замечает, что, судя по контексту летописного упоминания о строительстве церкви, при ее постройке произошло изъятие «коллективных усыпальниц» в пользу храма, но что содержание скудельниц было в обязанности архиерейской кафедры (как в 1546 г., так и, предполагает Мусин, в 1270 г.) (Мусин, 2010, 303). Специально топография псковских «морových кладбищ» изучалась археологами О. В. Козюренко и В. Г. Кузьминым (Козюренко, 1995; Кузьмин, 2006; 2009). В окрестностях Изборска в местности «Скудельня», в 200–250 м от крепости, расположен могильник с каменными крестами (Деркач, Михайлов, 2014). Существует мнение, что и известный своими размерами каменный крест

Церковь Жен-Мироносиц на Скудельне

Труворов крест

близ т. н. Труворова городища («Труворов крест», подробнее: Медведева, 2015) – также памятник, связанный с массовым захоронением.

В научно-популярной статье Н. С. Борисова отмечается, что летописи умалчивают о заставах как средстве борьбы с эпидемиями в XIV веке, хотя и предполагает, что какие-то действия предпринимались уже тогда (Борисов, 2014). Можно согласиться с ученым, когда он утверждает, что «в «удельный период» в борьбе с чумой выигрывал тот правитель, который имел более действенную военно-полицейскую службу». При этом его выводы основаны на переносе реалий XVI в. на реалии средневековые (прежде всего на сообщения Генриха Штадена). Вторая часть статьи Н. С. Борисова посвящена карантинным мерам XVII в., установленным патриархом Никоном в 1654 г. Сам патриарх уехал в Макарьев Калязин монастырь, а царскую семью отправил в Вязьму. Главной заботой власти было сберечь находящееся под Смоленском войско (здесь Н. С. Борисов

опирается на два очень удачных замечания С. М. Соловьева: «Чтобы сберечь государя и войско, поставлены были крепкие заставы на Смоленской дороге, также по Троицкой, Владимирской и другим дорогам; людям, едущим под Смоленск, велено говорить, чтобы они в Москву не заезжали, объезжали около Москвы». «Заражённые деревни велено было засекаать и расставлять около них сторожи крепкие, на сторожах разложить огни часто; под смертную казнию запрещено было сообщение между заражёнными и незаражёнными деревнями». Летописец 1619–1691 гг. описывал, как народ расхищал имущество умерших, «не убоаяся страха Божия, не вспомянувшее тогда и смертного часа», описывая множество умерших от эпидемии⁶. Таким образом, очевидно, что основной целью упомянутых карантинно-полицейских мер была защита от болезни личности государя и войска. Возможно ли это,

---

⁶ Летописец 1619–1691 гг. // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 183.

вслед за Н. С. Борисовым, экстраполировать на средневековую эпоху; что могло быть объектом такой защиты, скажем, в средневековых Пскове и Новгороде (очевидно, не войско и не государь) – вопрос, не имеющий, как мне кажется, однозначного решения.